

МАРИНА
ДАВДЕНБЕРГ

ВОЛЧЬЯ НЕВЕСТА

Марина Эльденберт

Волчья невеста

<https://litres.ru/74207224>

Аннотация

В нашем мире почти все люди под властью альянса тринадцати альф. Могущественных чудовищ, которые с каждого завоеванного народа требуют дань – чистых и невинных дев для постельных утех. Их называют волчьими невестами, и нет страшнее участи, чем лечь под зверя, стать игрушкой одного из них. Я прогневила своего бога и по воле судьбы заменила тринадцатую, но я не собираюсь подчиняться чужой прихоти. Я сделаю все ради своей свободы, даже если для этого потребуется пролить кровь или заставить зверя поверить в то, что я его истинная.

#Темные времена, где миром правят альфы, а люди их рабы
#Храбрая героиня #Властный жесткий альфа #Будет горячо, будет больно, местами стыдно за героев #Самостоятельная история по миру Вервольфов Первая часть дилогии. Вторая здесь
НОВИНКА ПО МИРУ!

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	36
ГЛАВА 5	49
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

ГЛАВА 1

Говорят, что у Владыки для каждого из нас своя роль. И что мы должны смиренно принимать все, что он нам дарует. Сносить все невзгоды и трудности, благодарить за радость, спокойствие и саму жизнь. Я благодарила. Благодарила искренне, от чистого сердца, от души. Но потом наши свободные земли попались на пути Альянса. Союза тринадцати сильнейших альф вервольфов, которые объединились для того, чтобы присвоить себе весь мир. Они уже завоевали Южный и почти весь Северный материки, осталась лишь Легория, где люди еще продолжали бороться, и часть Аринского леса, в глуши которого затерялась маленькая деревенька, в которой я жила.

Очевидно, я слишком мало молилась. Перестала верить во Владыку, когда появилась легорийская армия и согнала всех мужчин от стариков до совсем мальчишек в крепость Крайтон, защищать последний оплот свободного человечества. В том числе отца, старшего брата и Нико, моего жениха. Никто из них не вернулся. Пришлось научиться выполнять мужскую работу: охотиться, мастерить, поддерживать семью. Может, поэтому я больше не ходила в храм. То ли разочаровалась в своей вере, то ли просто времени не было на то, чтобы почитать бога, который нас бросил. У вервольфов было несколько божеств, и все они им благоволили.

А может, им благоволила сама природа.

Выше, сильнее, быстрее любого человека. Они видели лучше, слышали лучше, чуяли врага на огромном расстоянии. Они срачивали раны в мгновение ока, когда же обращались к своему зверю, то шансы на победу над чудовищем становились ничтожно малы. Чтобы убить зверя, требовалось человек десять. Нужно ли говорить, что мужчин среди людей становилось все меньше и меньше?

Я злилась на него, на Владыку. Признавалась в этом матери, заявляла, что он про нас забыл. Что благодаря ему она никогда не увидит мужа, а я никогда не стану женой, не познаю мужниной любви и ласки. Я бросала это в сердцах, и, кажется, прогневила этим своего бога. Потому что мой мир разом рухнул и превратился в ад.

Я попала в лапы вервольфа.

То была суббота — день, когда все в нашей деревне посещали церковь, чтобы поблагодарить Владыку и помолиться за жизни тех, кто защищал Легорию, и за души тех, кто пал, защищая. Но я не пошла, предпочла поохотиться в лесу, поймать кроликов или, если повезет, косулю. Я покинула деревню еще засветло, летнее утро было наполнено свежестью, и я вдыхала этот сладкий аромат, пока шла по тонкой, на одного, дорожке, петляющей мимо берез. Эта дорожка вела к реке, где на небольшом песчаном берегу женщины стирали белье.

Заслышав шум потока, я свернула в сторону чащи, ступая

по зеленой траве. Чем дальше я уходила, тем гуще становились деревья. Оказавшийся здесь впервые человек мог легко заблудиться, но я бегала по этому лесу с детства и знала его как свои пять пальцев. Одинаковые на первый взгляд пейзажи на самом деле такими не были. Вот там покосившееся дерево, а тут еще мой отец оставил зарубку, чтобы никто из детей-непосед не потерялся.

При мыслях об отце сердце отозвалось болью: будто стрела вонзилась. Тогда я с силой наступила на сухую ветку, попавшуюся на моем пути, раскрошила ее и приказала себе о нем не думать. О нем, о Нико. Если бы можно было получить от них хоть какую-то весточку! Но в нашей деревне читать и писать могла только жена старосты. Да и то, за последний год зрение у нее стало ни к бесам, последнее письмо из Крайтона, пришедшее полгода назад, она даже не смогла разобрать. Это тоже злило. Я просила ее научить меня грамоте, но когда мне учиться? Надо семью кормить.

Хруст совсем близко нарушил уютную тишину леса, всполошил перекрикивающихся друг с другом птиц. Заставил меня пригнуться к земле и потянуться за луком. Судя по звуку, это был кто-то крупный. Косуля, а может, даже олень. Я слилась с холмом, дыша почти бесшумно и отмечая, что сегодня безветренная погода, и мне должно повезти. Тут ручей неподалеку, наверняка, зверь направится к нему попить, а я как раз...

Я уже потянулась за стрелой, предвкушая отличную охо-

ту, как вместо пятнистой оленьей шкурки между деревьев мелькнуло ярко-синее знамя, а в следующее мгновение к ручью выбежала растрепанная девица. Синим знаменем оказалось ее платье, я таких нарядов в жизни не видывала: ярче лазури осеннего неба. Сама же девица была бледной, если не сказать блеклой: простоволосая, с белыми волосами и белой кожей, будто никогда не знавшей солнца. Она скатилась с холма и опустилась на колени, жадно зачерпывая воду ладонями, слизывая влагу с пальцев.

Чужачка? В наших лесах? Не к добру.

Мне бы дожидаться своего оленя, не высовываться, обойти ее стороной, но меня то ли любопытство замучило, то ли беспокойство дернуло. Откуда она бежит? От кого? И куда? Дальше только моя деревня.

Я нахмурилась и поднялась.

Девица вскрикнула, вновь спугнув птиц, сначала рванула от меня, а затем — вдруг ко мне.

— Спасите! — пропищала она, вцепившись в мою руку словно клещ.

— От чего?

— От кого, — всхлипнула. — От них.

Кто такие «они» я спросить не успела, потому что со стороны леса раздались мужские голоса. Теперь уже я схватила девицу за локоть, толкнула за холм и прижала к земле. Приложила палец к губам. Каково же было мое удивление, когда у мужчин, вынырнувших из-за деревьев и явно разыски-

вающих кого-то, на одежде оказалось изображение ярко-зеленого трехлистника — знак не просто легорийской армии, такой носили вербовщики, приезжающие в последний раз в нашу деревню.

Больше всего было похоже на то, что они ищут дезертира, но эта дрожащая девица — дезертир? Впервые слышу, что за нашу армию сражаются женщины! Впрочем, в какой-то момент дрожать она перестала, а стоило мужчинам исчезнуть из поля зрения, выпрямилась.

— Надо идти, — заявила уверенно.

— Они прошли мимо, — отмахнулась я. — Ты о помощи просила.

— Мне нельзя здесь оставаться. Выведи меня из этого леса, пока он меня не поймал.

— Подожди. Кто тебя должен поймать?

— Лиам, — выдохнула она испуганно. — Он здесь. Я чувствую.

Не знаю, как можно было чувствовать какого-то там Лиамы, но девица явно боялась его сильнее смерти.

— Я могу отвести тебя в свою деревню, — предложила я. — Тут недалеко. Но для начала расскажи кто ты такая, и зачем тебя ищут. Иначе я не сдвинусь с места.

Я посмотрела на нее тем самым взглядом, каким одаривала близнецов, когда они заигрывались, влипали в какую-нибудь историю, а после пытались нагло врать. Мать говорила, что мой взгляд любого расколет, как перезрелый орех. Даже

привыкшие близнецы быстро сдавались, не то что девчонка, которая к этому не привыкла. В ее глазах продолжал плескаться страх, но она быстро поняла, что я не шучу.

— Меня зовут Айра, — выдохнула она едва слышно. — Я сбежала от очень плохих людей.

— Людей? У них знак крайтонской гвардии. С каких это пор они плохие? — вырвалось у меня.

— С тех пор, как генерал Дорсан решил называть других человеческим ресурсом и отправлять на верную смерть.

Словно испугавшись собственных слов, она закрыла рот ладонями, светлые глаза расширились, а я была потрясена до глубины души. Потому что генерала Дорсана превозносили даже в нашей деревне. Считалось, что только благодаря ему часть нашего материка остается свободной землей, как и живущие на этих землях люди. В отличие от населения Южно-го, на котором все давно стали волчьими рабами. Зная, что отец, брат и Нико так и не вернулись домой, я не была поклонницей генерала, но в то же время в глубине души верила в лучшее. В нашу армию, в конце концов.

— Откуда ты это знаешь? — спросила у Айры.

— Я подслушала его разговор с Лиамом. Узнала их планы. Про волчьих невест. Я не хочу так. Лучше смерть! Но я не смогла, понимаешь? Не смогла себя убить. Я жить хочу. Нормально, а не в качестве его игрушки. Он делал ужасные вещи, — последнее она практически прорыдала.

— Волчьих кого? — на меня слишком много всего сыпа-

лось, чтобы я успевала вовремя соображать. — Ужасные вещи делал генерал?

— Нет, Лиам. Но генерал не лучше. Я это поняла сегодня ночью и сбежала.

— Она там! — раздалось слева. Нас заметили, и теперь выход был один — бежать.

Я вздернула Айру на ноги, это оказалось легко, потому что она была хрупкой и на голову меня ниже. Такие девушки не таскают ведра с водой и не колют дрова. Толкнула в сторону реки, приказав:

— Беги!

Чужаки, кем бы они ни были, все равно знали этот лес хуже меня, поэтому нам бы от них оторваться, а там я смогу спрятать Айру и во всем разобраться. Проблема была в наряде девицы: если мои штаны и туника по цветам сливались с лесом, то ее платье действительно развивалось как флаг и выделялось на фоне зеленой листвы и бурой земли. Поэтому, заслышав наших преследователей совсем рядом, я вскочила на сухой пенек, развернулась и пустила стрелу в ногу ближайшего. Его дикий вопль возвестил всю округу, что я попала. Второй раз я, к сожалению, промазала, но мы почти достигли реки и зарослей камыша, где я собиралась нас спрятать.

Зверь выпрыгнул откуда-то сбоку, черной молнией сбил с ног Айру. Не волк, не медведь, что-то в разы крупнее и чудовищнее. Такого я еще в наших лесах не видела. Таких я даже в страшных снах не могла представить. Вздрыбленная

густая шерсть, мощное тело, гигантские лапы и острые когти. Она закричала, отбиваясь, но зверь ударил ее лапой по лицу, и Айра затихла. Это привело меня в чувство: я дотянулась до колчана и пустила в спину чудовища три стрелы одну за другой.

Это стало моей ошибкой: сосредоточившись на звере, я совсем позабыла про военных. А когда вспомнила — было поздно. На меня напали со спины, вырвали из пальцев лук, сорвали колчан, грубо толкнув на траву у берега. Но даже тогда я не отвела взгляда от чудовища. Во мне все будто заморозилось, я словно забыла дышать. Вдох сделала, а выдохнуть не осталось сил.

Еще страшнее стало, когда зверь поднялся на задние лапы, став ростом с избу, и вдруг поплыл. Шерсть будто растворялась, когти уменьшались, и сам он уменьшался, жуткая морда с не менее жуткими клыками изменилась, постепенно превращаясь в мужское лицо. Через один долгий миг передо мной уже стоял громадный темноволосый полностью нагой мужик, и только торчащие из его спины стрелы напоминали о том, что он и есть зверь. Прямо на моих глазах он потянулся и просто вырвал из спины одну из стрел, зло глянув на окровавленный наконечник.

Вервольф.

Я впервые встретила вервольфа.

Мужчин было трое. Я успела врезать одному, а второго лягнуть. На третьего меня попросту не хватило: он завел мои

руки за спину и связал веревкой или какой-то грубой тряпкой. Я рычала и пыталась кусаться, но все оказалось бесполезно. Первый ухватил меня за шею, а второй сел на ноги, практически полностью обездвиживая.

— Ты смотри какая страстная бабенка! — довольно расхохотался он.

— Она Гаю ногу прострелила! — заметил тот, что остался стоять. — Ты уверен, что это баба, а не мужик?

— Так сейчас проверим. — Тот, что вытащил нож и разорвал на мне сначала корсет, а потом тунику, полностью обнажив грудь. — Сиськи есть, значит, баба.

Он грубо схватил меня за грудь, ущипнул за сосок, послав по телу волну боли и унижения. Еще никто никогда не обращался так со мной!

— Отпустите, иначе пожалеете! — Я постаралась вложить в голос всю свою ярость, хотя все во мне умирало от страха. Никогда еще я не чувствовала себя настолько беззащитной. Настолько распятой.

— Скорее, пожалеем, если отпустим, — снова хохотнул склонившийся надо мной садист и повернулся к зверю. Или тому, кто еще недавно был им. — Эй, Лиам, что делать с этой девахой?

— Развлекайтесь, парни, — равнодушно махнул он рукой, поворачиваясь спиной и шагнул к Айре.

Я не знала, жива она или нет. Но в следующий миг мне стало не до Айры, потому что военный рванул на мне штаны,

я ощутила ягодицами песок и камни и закричала. Дернулась и тут же закашлялась: второй сжал руки на моей шее.

— Тише, не задуши ее раньше времени.

Он расстегнул свои брюки и вывалил член. Во мне не осталось воздуха, и я почувствовала, что сейчас умру. Умру, но не выдержу этого позора. Я замотала головой.

— Ну, одним больше, одним меньше, — сказал тот, что меня душил, пока другой наваливался сверху. — Потерпи, а мы тебе потом подарок сделаем.

— Я никогда, — прохрипела я, глотая слезы.

— Такая красавица и «никогда»? — передразнил он меня.

— Твою мать, — расслышала я рычание вервольфа. Не поняла, к чему это относилось, но он тут же рывкнул: — Быстро отпустили ее!

Садиста попросту снесло с меня, державший меня за шею мужик отполз сам, а надо мной навис вервольф. Его мистические глаза будто впились в мое лицо.

— Девственница? — У него даже голос был нечеловеческий, рычащий.

Я свела колени, чтобы хоть как-то прикрыться, но он тут же надавил на них раскрывая мои бедра. С шумом втянул воздух возле моего лица, словно с наслаждением вдыхал мой страх. Его взгляд будто прибил меня к земле, и я сразу почувствовала прикосновение там внизу, где еще никто меня не касался, а следом резкую боль. Будто меня хотели нанизать на вертел. Вскрикнула, дернулась, пытаюсь отползти, уй-

ти от этого.

— Не трогай!

— Т-с-с, фурия, пока это только мой палец.

Боль сразу исчезла, оставив после себя неприятное жжение там, где меня только что осквернили. А вервольф облизал палец, причмокнув, поднялся одним плавным движением и, словно я ничего не весила, поставил меня на ноги и поправил на мне штаны.

Оцепенение прошло, и я рванула к валяющемуся на земле луку. Точнее хотела рвануть, но вервольф перехватил меня за талию, впаял в свое обнаженное тело. Я в полной мере почувствовала, что хилый отросток того военного не шел ни в какое сравнение с орудием зверя, что сейчас упиралось в мой голый живот.

— Идешь со мной по своей воле, или я отдаю тебя парням, и вы все вместе продолжаете развлекаться? — предложил он мне, и я задохнулась от ярости.

Оглянулась на мужчин, которые только что хотели надо мной надругаться, и меня перекосило от омерзения. Согласиться на насилие сейчас? Или лишиться чести после с ним?

Вервольфы — зло, это мы все впитываем с молоком матери. Лечь под этого зверя? Позволить ему осквернить свое тело? Никогда! Но пойти сейчас с ним, согласиться, значит, хоть ненамного отсрочить неизбежное и сбежать. Если Айра смогла, то я тем более смогу. Поэтому я заставила себя мотнуть головой.

— И как это понимать? — издевательски поинтересовался зверь.

— Иду с тобой, — процедила я сквозь зубы, а он криво усмехнулся. Этого Лиам можно было назвать даже красивым, если бы он не был зверем. Что я поняла точно, у меня от него мороз по коже, а еще то, что мое согласие или несогласие ничего бы для него не решило.

Все равно бы забрал.

Потому что руки мне так и развязали.

— Разве ты не поймал Айру, Лиам? — недовольно проворчал один из военных.

— Она больше не подойдет. Порченный товар.

— Тогда мы можем забрать ее себе?

— Может, позже.

Он взвалил меня на плечо и понес. Мир перевернулся, но я все равно успела заметить лежащую в траве Айру. Красивое лицо теперь пересекал уродливый шрам.

ГЛАВА 2

Увиденное так меня поразило, что я не издала ни звука, пока зверь меня куда-то тащил. Только спустя некоторое время я будто очнулась, почувствовав солоноватый вкус крови на языке. Сама не заметила, как прикусила щеку. Но это меня отрезвило, привело в чувство, и дальше я занималась тем, что запоминала дорогу.

Это оказалось несложно, потому что зверь нес меня не больше часа, пока не вынырнул из леса на Тихое плато. Я знала, где мы, много раз бывала здесь. Но сейчас плато тихим не было: на нем разбили лагерь легорийские войска. Если, конечно, лагерем можно назвать шесть зеленых выпцветших на солнце шатров, да еще несколько палаток поменьше. По лагерю сновали мужчины с украшающими их одежду трехлистниками, готовили еду на костре — тянуло ароматом мясной похлебки, чистили оружие, смеялись, что-то обсуждая. Осмотреться получше зверь мне не позволил, втащил в первый же шатер.

Внутри оказались длинный стол, пару матрасов сомнительной чистоты, сундук и растянутая на полстены коричневая бумага с черточками и красными крестиками. Больше я рассмотреть не успела, меня толкнули на ближайший матрас. На котором я крутанулась, чтобы смотреть зверю в лицо. Но он даже этого меня лишил, повернувшись ко мне спиной

и отойдя к столам. Я сдунула выбившуюся из косы прядь и выплюнула зло:

— Предпочитаешь непорченных дев? Брезгуешь после других?

— Угадала, — хмыкнул он, откупорив какую-то бутылку и отпив прямо из горла. Когда он успел вытащить мои стрелы, я не знала, но пониже лопатки осталась лишь запекшаяся кровь, узором разрисовавшая бугрящиеся мышцы. — Обоняние берегу. Бабы смердят отвратно, если на них кто-то уже ездил. Мужиками и смердят. Тошно.

Не знаю, что тошно ему, а вот меня уже тошнило от подобных разговоров.

— Так я же тобой смердеть буду.

Для зверя у него оказался какой-то скрипучий смех. Явно веселящийся вервольф вернул бутылку на стол, а потом медленно подошел ко мне, склонился, положив ладони себе на колени, так, что наши лица оказались напротив друг друга.

— Нет, я бы тебя пометил, ты бы пахла мной, девка. И все другие волки знали бы об этом. — В полутьме шатра его глаза загорелись ярко-желтым, сам он пугающе оскалился, и я отшатнулась. — Впрочем, не для себя я тебя на спине ташил.

— А для кого? — Может, глупый вопрос, но я и до этого не понимала, почему он притащил меня сюда вместо того, чтобы взять там, прямо в лесу. Зверю всяко сподручнее. И сейчас медлил. А он, значит, не для себя. Поэтому и глупо

о таком спрашивать. Лучше мне вовсе с этим кем-то разми-
наться.

— Скоро узнаешь. Лучше один раз увидеть, чем сотню
раз слышать. Или куда-то торопишься?

Я сжала зубы и помотала головой. Чем дольше потяну вре-
мя, тем больше шансов у меня сбежать и вернуться домой.
Плохо, что они этот лагерь в лесах близ деревни разбили. Не
к добру. На их стороне зверь, и мне придется хорошенько
постараться, чтобы замести свои следы, когда буду убегать.

Пока я раздумывала, зверь подошел к сундуку, достал из
него человеческую одежду и облачился в нее. Затем достал
оттуда же веревку и связал мне еще и ноги.

— Чтобы точно никуда не торопилась, — сказал с против-
ной ухмылкой.

А я даже обрадовалась: со связанными ногами меня мож-
но оставить одну. Но он не оставил, сел на сундук и принялся
ждать. Или рассматривать меня. Я то и дело ловила на се-
бе его цепкий изучающий взгляд. Особенно внимательно он
скользил по разорванным лохмотьям туники, там где было
видно мою грудь. Отчего я дико злилась.

— Может, дашь мне прикрыться? — не выдержала этой
неприкрытой похоти.

— Обойдешься, деревенщина.

Вот почему все ненавидят вервольфов. Потому что они не
люди, а скоты!

Я набрала в легкие воздуха, чтобы ему ответить, но тут в

шатер шагнул тучный седовласый мужчина.

— Это как понимать, Лиам? — потребовал он вместо приветствия, едва не брызжа слюной от злости и почему-то указывая на меня пальцем. — Что это значит?

— Это значит, что Айра сбежала, Дорсан.

Дорсан? Это и есть генерал Дорсан?

Я уставилась на освободителя человечества во все глаза и, если честно, сразу разочаровалась. Возможно, потому что он мне представлялся величественнее, а еще я ценила в мужчинах сдержанность.

— И ты ее не поймал? — Генерал даже покраснел как переспелый помидор в своей истерике.

— Поймал, — поморщился Лиам, — но слегка задел красивое личико. Она нашим принцам больше не подойдет.

— А кто подойдет? — Дорсан перевел изумленный взгляд со зверя на меня. — Это?

— Я прежде всего человек, генерал, — вклинилась я в этот странный, раздражающий разговор, но меня проигнорировали.

— Брось, — зверя, кажется, забавлял кипятящийся Дорсан. — Отмоешь ее, оденешь в роскошное платье.

— Отмоешь? А с ее волосами что предлагаешь делать? Ульрам ясно дал понять, что альфы хотят тринадцать наложниц-северянок. У девок должны быть белые волосы, на крайний случай рыжие. Но никак не черные! Не говоря уже о хоть какой-то красоте...

Он бы, наверное, дальше вопил, но Лиам шагнул вперед и навис над генералом.

— Она подходит, Дорсан. Девственница, пахнет приятно, что для волка важнее смазливового личика, к тому же, владеет оружием. Она подходит для нашей миссии.

Кажется, впервые за все время генерал по-настоящему на меня посмотрел. Не как на блохастого щенка, снующего под ногами, а пристально, будто прицениваясь.

— Говоришь, подходит? — повторил он.

— Она сражалась с четырьмя офицерами.

— Победила?

— Нет, конечно, — хмыкнул зверь. — Но успела одного ранить, а меня изрешетить стрелами. Отважная бабенка.

— В том-то и дело, что бабенка, — проворчал генерал, безразлично рассматривая меня.

— Я обучал Айру полгода, — Лиам сложил руки на груди.

— За две недели лучшего мы не найдем.

Дорсан прокашлялся и впервые обратился ко мне:

— Ну что, девочка, готова послужить своей стране?

Я посмотрела на генерала, затем перевела взгляд на зверя и зло хохотнула. Может, мое поведение было не самым логичным, но после всего, что я тут услышала, меня только на это и хватило. Они издеваются? Какая, к бесам, страна?

— Ты уверен, что она не безумная? — снова поинтересовался у Лиам генерал.

— Скорее, умеет кусаться, — оскалился зверь. А вот нот-

ки восхищения в его голосе мне совсем не понравились. Я не собиралась ни служить родине, ни идти на какую-то там миссию.

— Я здесь, генерал Дорсан, и понимаю все, что вы говорите, — я кивнула себе за спину. — Может, сначала развяжете меня?

Генерал нахмурился.

— После того, как ты ранила одного из моих людей и кого-то покусала? Я предпочту перестраховаться.

— Вы же это не серьезно?! — Я уставилась на него во все глаза. Про генерала Дорсана слагали легенды. Он представлялся мне умным, расчетливым и храбрым мужчиной, способным защитить Крайтон и всех нас, свободных людей. — Выходит, что заезжие барды лгут? Они поют вам дифирамбы, а на самом деле вы и ваши люди лишь шайка мародеров?

Дорсан шагнул ко мне и занес ладонь для пощечины. Я отшатнулась, но удара не последовало: в мгновение ока Лиам перехватил его руку, сдвинул запястье так, что генерал поморщился от боли. А вот тон зверя, в противовес угрозе, звучал на удивление ласково:

— Используйте слова, мой генерал. Они порой бывают более и изощреннее пыток. Нельзя оставлять на ней следов. Где мы найдем еще одну нетронутую девицу? — Он отпустил руку генерала, который принялся растирать запястье, и посмотрел прямо мне в глаза: — Или там, откуда ты, еще много таких девиц?

Мне стало дурно, как представила, что эти уроды позарятся на мою младшую сестру или на других девчонок по соседству. Нет, не бывать этому!

— Я не успела стать женой, потому что вы моего жениха на войну призвали, — выпалила я.

— Как удачно, — хмыкнул зверь, за что я подарила ему новый злой взгляд.

— Из-за нее нас всех уничтожат, — генерал помрачнел еще сильнее и посмотрел на Лиаму: — Или из-за тебя.

От звериного рычания, вырвавшегося у вервольфа, у меня встали дыбом все волоски на коже, холодок прокатился по спине, несмотря на духоту шатра.

— Напомнить тебе, Дорсан, благодаря кому твоя голова все еще у тебя на плечах, а не гниет на колу после одного из побоищ, устраиваемых альфами? Этот план предложил я. Мне и доводить его до конца.

Генерал и так потерял уважение в моих глазах, а сейчас вообще побледнел и словно стал меньше ростом.

— У тебя две недели, — сказал он. — Через две недели мне нужны тринадцать покорных моей воле девиц. Ни днем меньше.

Он бросил на меня еще один брезгливый взгляд и вышел. Кажется, мы испытывали друг к другу одинаковые чувства. Но с генералом все было понятно: будь его воля, он бы меня прогнал или отдал бы своим воякам. А вот Лиама... У него на меня были какие-то свои планы, которые хорошо бы узнать.

Впрочем, он мне этого не позволил, потому что вышел вслед за Дорсаном.

Я принялась осматриваться, пытаюсь найти что-то, что поможет справиться с веревкой. Но из вариантов пока была только оставленная на столе бутылка. Если разбить ее, то можно использовать осколки для того, чтобы избавиться от оков. А потом... Потом действовать по обстоятельствам. Свободные ноги могут далеко унести!

Я не знала, что здесь происходит, что придумал генерал на пару со зверем, но я и не хотела этого знать. Я перевернулась на бок и поползла в сторону стола, напоминая себе гусеницу-переростка. Расстояние оказалось не таким большим, но я всякий раз замирала, когда слышала шаги за стеной шатра, прислушивалась. Сердце шумело в ушах, словно я провалилась в реку. Но, когда я все-таки доползла до стола, то что есть силы ударила по ножке. Раз, второй, третий. Бутылка закачалась и свалилась, расколовшись и обрызгав меня вином и осколками. Я же успела зажмуриться, защищая глаза.

— Это что такое? — раздалось гневное от входа. — Решила повредить свою прекрасную шкурку?

Меня подняли в воздух, как котенка, и снова швырнули на матрас, выбив из меня дыхание. А затем Лиам навис надо мной и указал пальцем мне в грудь:

— Это теперь мое. Не вздумай что-то с собой сделать. Я знаю, как заставить тебя кричать от боли, даже не прикасаясь к тебе. Все понятно?

Он говорил спокойно, но в каждом его слове чувствовалась угроза. Такая, что все мои инстинкты требовали подчиниться. Спрятаться. Молчать. Сдаться. Но вот еще!

— Понятно, — ответила я, но моему голосу не хватило твердости.

Он удовлетворенно кивнул.

— Теперь сиди тихо.

— Что вам от меня нужно? — спросила я в спину вервольфу.

— Скоро вернусь и узнаешь, — пообещал он и вышел. А я сглотнула слюну, чтобы хоть как-то смочить пересохшее горло. Выждала, пока он отойдет подальше от шатра, и засунула осколок, который все-таки успела подобрать, под матрас.

ГЛАВА 3

«Скоро» растянулось на час или даже больше: серое небо, что просматривалось в прорехе шатра, заволокло дождевыми облаками, и было сложно понять, время движется к обеду или перевалило за середину дня. Мать до вечера меня не хватится, я иногда надолго уходила. Вот если затемно не вернусь, может и деревню поднять, меня искать. А нельзя, пока лагерь генерала здесь стоит, нечего женщинам по лесу шагать! Значит, я должна вернуться вовремя.

К осколку бутылки я так и не притронулась, чувствовала, что еще рано. К тому же опасалась, что зверь вот-вот вернется. Я уже поняла, что перемещается он бесшумно. Если честно, я не знала ни одного человека, кто двигался бы настолько беззвучно. Но Лиам не человек. Он вервольф. А этот небольшой осколок — моя единственная возможность спастись из плена.

Мне нужно точно знать, что зверь занят. Не сможет меня перехватить или выследить. Как сделал это с Айрой. Мы с ней перекинулись всего парой слов, но я чувствовала сожаление по поводу того, что у меня не получилось ей помочь. Спрятать ее, защитить. Отец всегда говорил, что это в моем характере — защищать. Что я маленький воин, боец. Правда, при этом добавлял, что девке с таким нравом придется тяжело. Может, и прав был. Не полезь я к этой Айре, уже вер-

нулась бы в деревню. Но пройти мимо для меня означало предать саму себя. Я не умела так.

Только где теперь Айра? И где я?

Словно в ответ на мой вопрос полы шатра разошлись, и один из тех уродов, кто держал меня на берегу реки, втолкнул внутрь мою беловолосую подругу по несчастью.

— Жди здесь, — рявкнул он, Айра же, заметив меня, метнулась к стене, отворачиваясь и пряча заплаканное лицо за завесой длинных волос.

Мужик, мазнув по мне похотливым взглядом, нехотя вышел, а я обратилась к девушке:

— Айра, что происходит?

Она так долго молчала, что я думала, не ответит.

— Я больше не волчья невеста, — наконец, сдавленно просипела она.

— Это же хорошо. Ты же этого хотела, — напомнила я.

Девушка даже перестала плакать, повернулась ко мне. Я уже видела ее лицо, но мне едва удалось не вздрогнуть и не отвести взгляд. Следы от когтей зверя сейчас воспалились и выглядели особенно жутко. Очевидно, я все-таки себя выда-
ла, моргнула, показала чувства, потому что Айра выпалила:

— Я не хотела становиться уродиной!

— Понимаю, — пробормотала я.

Слабое утешение. Я бы никому не пожелала такой участи, особенно такой смазливой девице, как эта. Она такая слабая и хрупкая, что красота для нее как оружие и как способ вы-

жить. Я бы тоже ревела, лишившись руки. Если бы не смогла больше охотиться. Но у меня не было времени, чтобы успокаивать девицу в ее горе. Да и не сильна я в этом. В сочувствии, в поддержке. Это мать могла так обнять, что, казалось, тепло всей земли в ее объятиях. А я...

Я помотала головой. Нет времени раскисать. Задумаюсь — и начну сопли жевать вместе с ней.

— Айра, кто такие волчьи невесты?

Она открыла было рот и тут же закрыла, потому что в шатер явился Лиам и ответил вместо нее:

— Дань для альянса альф. Слышала о таком?

Об альянсе не слышали только глухие, поэтому я кивнула, настороженно следя за каждым его шагом. За каждым движением. Рядом со зверем невозможно было расслабиться, спокойно дышать. Айра так вообще вся сжалась.

— В прошлом году альфа Ульрам придумал забавную шутку, — продолжил Лиам, поставив на стол новую бутылку. — Каждый завоеванный альянсом народ должен прислать тринадцать дев. Прекраснейших, нежных и обязательно невинных, ведь вервольфы не любят ни с кем делиться своими игрушками.

С этими словами он в пару шагов оказался рядом с Айрой. Одной рукой перехватил ее за талию, другой приподнял за подбородок, заставляя смотреть на себя. Она всхлипнула, вцепилась ногтями в его запястье, но под звериным взглядом быстро сдулась, опустив руки.

— Айра была одной из них. — В его голосе, наверно, должно было прозвучать сожаление, но я расслышала лишь насмешку и еще щепотку предвкушения. Он отпустил ее подбородок и рванул не девушке платье. Она вскрикнула от страха и неожиданности, попыталась прикрыться руками. Я инстинктивно дернулась, чтобы помочь, раздираемая двумя чувствами: злостью на вервольфа и жалостью к девушке. Но я была по-прежнему связана по рукам и ногам.

— Самой красивой, пожалуй. Но теперь ты займешь ее место.

Один взгляд на меня — и внутри все перетряхнуло от омерзения.

— Смотри и учись тому, что от тебя потребуется.

Лиам сорвал тряпки с Айры, полностью обнажив стройное девичье тело. Белую и нежную кожу, которую теперь прикрывали разве что ее длинные, до бедер, волосы. Девушка шарахнулась в сторону, но он перехватил ее за горло.

— Подчиняйся, — прорычал зверь, подтянув ее к себе так, что Айре пришлось подняться на носочки, чтобы не задохнуться. — Если, конечно, тебе по-прежнему нужна моя защита.

Она едва заметно кивнула, а Лиам ее отпустил и приказал: — На колени. Задницей вверх.

Айра быстро подчинилась, почти рухнула на четвереньки, будто знала, что за промедление ее накажут. Или придумают что-то гораздо хуже того, что предлагал зверь. Хотя куда уж

хуже?!

— Урок первый, — невозмутимо начал Лиам, нырнув ладонью себе в штаны и погладив себя. — Всегда выполняй приказ своего альфы. Иначе... Ему это не понравится, а потом это не понравится тебе.

Пока Айра дрожала, не меняя позы, он расстегнул штаны. Теперь я могла видеть, как он, обхватив ладонью член, гладил себя. Мои глаза расширились еще сильнее. Его мужское естество было в разы больше, чем у того мужика, что собирался меня обесчестить. Я даже не могла представить, как это способно поместиться в женщине, а тем более девице. Не могла, не хотела... Я не хотела это видеть, но и отвернуться сил не находилось. Лиам будто заколдовал меня.

— Урок второй, — зверь опустил позади Айры, положил руку на ее спину, погладив девушку. Ее глаза скрыла завеса из светлых волос, но я знала, чувствовала, что она боится. — Не перечь ему, если хочешь остаться в живых.

Лиам вдруг размахнулся и шлепнул девушку по ягодице, да так, что на ее чувствительной коже сразу же отпечатался красный след. Айра дернулась, но не подала ни звука. А я сама, кажется, сжала зубы так, что рисковала их раскрошить.

Зверь хищно втянул носом воздух:

— Да-а-а, мне так нравится твой аромат. Он такой сладкий. Если так пахнет твоя ярость, то как же благоухает твое возбуждение? Так на чем мы остановились?.. Урок третий. Делай вид, что тебе хорошо.

Он вошел в Айру неожиданно резко, и теперь она закричала, а я зажмурилась, не в силах смотреть на это.

— Смотри! — приказал он. — Смотри, иначе придется все повторять.

Я распахнула глаза, потому что не хотела подобного повторения для Айры. Не говоря уже о себе. Распахнула, чтобы в двух шагах обнаружить нанизывающего на себя, словно на меч, девушку зверя.

Я забыла как дышать, потому что не могла уложить в голове все, что видела собственными глазами. Я вообще не доверяла своему зрению. Потому что то, что в моем представлении должно быть разделено между мужем и женой, священным таинством, зверь вывернул, превратив святость в животный безумный акт. Он входил в нее мощно, размеренно, намотав длинные белые волосы на кулак. Наверное, только поэтому Айра еще не рухнула на землю. Казалось, она весь свой голос вложила в тот крик, поэтому сейчас могла только мычать, запрокидывая голову и закатывая глаза. Пока зверь не излился в нее с утробным рычанием, сдавливая девичьи бедра и оставляя на них следы своих пальцев. Яростное наслаждение исказило его черты, проявляя хищную натуру.

Вот теперь Айра растянулась возле его ног, обессиленная, разбитая, использованная. Мою грудь сдавило от жалости к ней. Но стоило вервольфу подняться, она потянулась к нему: — Лиам, пожалуйста. Ты обещал...

Я не видела ее лица, но она вся дрожала. Зверь взглянул на

девушку мельком, сосредоточив все свое внимание на мне.

— Урок четвертый, — потянулся он, как довольный кот.
— Если выполнишь все это, получишь сладкое.

С этими словами он подтянул Айру к себе и провел длинным, уже нечеловеческим языком по ее лицу.

Я не понимала, что зверь делает, пока он, наконец, не оттолкнул девушку, и тогда я увидела, что царапины побледнели и перестали кровоточить. Теперь кожа выглядела так, словно Айра попала под удар гигантской лапы не сегодня, а пару недель назад. О чудесном самоисцелении вервольфов я слышала, именно поэтому с ними сложно было сражаться, но впервые увидела, что они могут заживить рану человеку. Правда, видимо, исцелить Айру полностью у Лиамы бы не получилось, раз он решил заменить ее мной. Или, что более вероятно, просто давно хотел ее трахнуть.

— Ну что? — обратился он ко мне. — Хорошо запомнила все уроки?

— С чего ты взял, что я стану тебя слушать? — процедила я, а зверь приподнял брови:

— Разве у тебя есть выбор?

Выбор есть всегда. И мой выбор — сбежать отсюда.

Больше никаких уроков мне не устраивали. Айра соскреблась с земли и, завернувшись в лениво брошенный Лиамой плед, слегка пошатываясь, покинула шатер. Я смотрела ей вслед и думала, что не хочу так же. Быть растерзанной зверем? Стать его игрушкой? Никогда!

Лиам тоже со мной не разговаривал. Казалось, он потерял ко мне всякий интерес. Он что-то писал, сидя за столом, выходил и возвращался. Лишь ближе к вечеру, когда Айра вернулась с большим подносом, на котором были хлеб, сыр и похлебка, приказал покормить меня. Я не стала отказываться: травить меня точно никто не собирался, сказано же — я им нужна, а силы мне для побега точно не помешают.

Сначала я жалела, что выдала себя, показав, насколько хорошо владею луком. Может, тогда бы сейчас не сидела связанная. А после поняла, что так даже лучше. Скованная по рукам и ногам, я не вызывала у зверя желания постоянно присматривать за мной, и ближе к сумеркам веревки на моих руках остались всего лишь для вида. Поэтому я насторожилась, когда принесли еду. Если Лиам решит развязать мне руки, то все поймет. Поймет, что я вовсе не связана.

Но все обошлось. Мне везло.

До тех, пока Лиам в очередной раз не вернулся в шатер, который освещала единственная свеча, и не расположился на втором матрасе с явным намерением отдохнуть. Я сильнее сдавила осколок в ладони. Я перестала его прятать, готовая в любой момент расправиться с веревкой на ногах. Надеюсь, что второй матрас займет Айра, и тогда мне будет легко избавиться от оков, а затем — убежать в прореху в шатре.

— Будешь стеречь добычу всю ночь, как цепной пес? — ядовито поинтересовалась я. Пусть лучше видит мою ярость, чем страх и растерянность.

— Я собираюсь спать, — коротко ответил он и посмотрел мне прямо в глаза. — Надеюсь, мы поняли друг друга еще днем?

Лиам кивнул на стол, где не оказалось бутылки: видимо, в какой-то момент он унес ее, а я и не заметила.

— Я не подхожу для этого. Во мне нет покорности, — меня всю передернуло от этого слова. В самом слове, конечно, же не было ничего плохого. Но быть покорной воле отца или мужа — это одно. Подчиниться зверю — предать себя. Это отвратительно.

Лиам так не считал, потому что самоуверенно хмыкнул, сверкнув желтыми глазами:

— Ты человеческая женщина. У вас в крови подчиняться мужчинам. Альфы такие же мужчины, разве что более опасные.

Конечно, мужчины. Звери они.

— Ты меня даже альфе связанной отдашь? — попробовала я его границы. Мне важно было знать, что он не решит меня развязывать.

— Хочешь, чтобы я развязал тебе руки?

— Хочу, — ответила я, а я сама насторожилась. Не решит ли зверь поиграть в добряка?

— А что готова дать за это взамен? Например, полностью раздеться. Сама. Добровольно.

— Только через мое бездыханное тело, — процедила, глядя ему в глаза. Но при этом почувствовала облегчение. Не

решил, только довольно рассмеялся, погасил свечу и пере-
катился на спину.

Через полчаса, может раньше, раздался его храп. Я еще удивилась: как зверь может так громко храпеть? Но он храпел, как мужик после хорошей пьянки. Выждав еще немного, присматриваясь и прислушиваясь к своему охраннику, я поняла, что тянуть дальше нет смысла. Стряхнула веревки, освободила ноги и осторожно поднялась. Мне оставалось только так же аккуратно прорезать себе проход. Я помнила, что шатер крайний, а значит, за ним с этой стороны будет лес.

Я даже сделала надрез, провела по ткани с тихим шорохом. Я почти шагнула туда. На свободу. Но вместо этого обнаружила себя, нависающей над зверем и стискивающей в ладони небольшой, но крайне острый кусок бутылки. Недостаточно острый, чтобы бить вервольфа в грудь, целясь в сердце, но достаточно, чтобы порезать яремную вену. Даже вервольфу придется постараться, чтобы выжить после такого. И он не станет больше мучить женщин, в мире станет на одного зверя меньше. Зверя во всех смыслах. Я отомщу за Айру. За себя. За всех!

Лиам всхрапнул во сне, и я испугалась. Своих мыслей, той ярости, той ненависти, что вспыхнула во мне. Я выронила стекло и скользнула из шатра, унося ноги прочь. Жаль только, Айру не могла с собой увести, но искать ее в лагере — означало обречь нас обоих на выполнение плана генерала.

Подложить нас всех под зверей. Тринадцать невинных девушек.

Выйти из лагеря оказалось проще, чем мне думалось. Они даже часовых не увеличили после побега Айры, наверное, считали, что теперь от Лиамы никто не убежит. Тем более связанная по рукам и ногам девица. Но я проскочила мимо охраны, пытаясь затеряться в лесу. Кружила по нему чуть ли не половину ночи, чтобы зверь не выследил меня, как сделал это с Айрой. Пересекла реку, чтобы отбить запах, запутать следы. И расслабилась, подходя к деревне.

Он возник за моей спиной так внезапно, будто спрыгнул с дерева. А может, и спрыгнул. Схватил меня за горло, прижал к своей каменной груди.

— Долго же пришлось тебя ждать, деревенщина, — про-рычал мне на ухо Лиам.

ГЛАВА 4

Я бы дернулась, но он практически распял, раскатал меня по себе. Еще и когти вдавил в шею, пока не больно, предупреждая. А ведь дом был так близко, даже отсюда я видела первые строения, край моей родной деревни. Мне стало страшно, что он меня выследил, и обидно, что я не успела дойти. Эти чувства вспыхнули во мне с одинаковой силой, пока до моего ума наконец-то не дошел смысл звериных слов.

— Ждать? — выдохнула я, все понимая. — Ты не спал? Ты все подстроил!

Лиам рассмеялся, погладил меня по животу, прикрытому тряпьем: все, что осталось от разорванной туники. Воспоминания о том, что он делал с Айрой, были еще свежи, поэтому я сжала зубы, злясь на себя еще больше. Дуреха! Он же со мной играет, как кошка с мышкой.

— Думала меня обхитрить? — подтвердил мою догадку Лиам. — В этой игре тебе меня не победить. Я сильнее. Опытнее. И бескомпромисснее. Я умею ломать таких девочек, как ты. Или делать их шелковыми.

Каждое свое слово он сопровождал движением по моему телу: то поднимаясь вверх и до боли сминая мою грудь, то спускаясь вниз, касаясь меня между бедер через плотную ткань штанов. Вот только каждое его прикосновение чув-

ствовалось так, будто на мне никаких штанов не было.

— Скажи, — он носом коснулся моей шеи, вдыхая мой запах, словно желал его впитать, — тебе понравилось то, что я делал с порченной тринадцатой, да? Захотела оказаться на ее месте?

Я зарычала, безуспешно попыталась его лягнуть, а он снова засмеялся.

— Зачем это представление? — прохрипела я.

— Проверка, — хмыкнул Лиам. — Тест. Который ты, милашка с осколком бутылки, не прошла.

Он и про осколок знает? Конечно, знает!

— Почему ты решила меня не убивать, деревенщина? У тебя же было оружие и даже мотив. Разве такое чудовище, как я, не заслуживает смерти?

— Самой ужасной, — зло призналась я. — Не думай, что я тебя пощадила! Не захотела руки марать.

— Струсил, — скучающе заключил Лиам. Разговаривать, не видя его лица, было сложно, но он не спешил разворачивать меня к себе. — А я ведь на тебя поставил. Вступился за тебя. Поручился перед Дорсаном. Ты мое разочарование, деревня.

Разочарование? В том, что я сбежала? Он безумный, если считал иначе, буквально сам вручив мне осколок! Или в том, что не попыталась его прирезать? Тогда я совсем ничего не понимаю в мотивах его поступков.

— Я убиваю только для того, чтобы есть. — Подумала,

что это звучит странно и добавила: — Животных.

— А я то еще животное. — Я почувствовала улыбку Лиам. Или, скорее, его оскал. — Видишь ли, генерал хочет не просто так отправить Альянсу волчьих невест. Он хочет крови альфа. Жаждет сократить их количество. А лучше убрать их всех. И самый простой способ это сделать — через постель.

Мои глаза, наверное, еще никогда не были такими большими. Я даже рот приоткрыла от изумления.

— Ты хочешь сказать...

— Что тебе нужно быть покорной, послушной и дожидаться, пока твой альфа уснет. А после использовать стекло или что-то вроде для того, чтобы одним из нас, зверей, стало меньше.

Убить альфу. Он говорит о том, что я должна убить одного из вервольфов альянса. Того, кому достанусь. Кто для начала будет истязать мое тело...

— Я не стану, — сказала твердо, а Лиам устало вздохнул.

— Вот я и говорю. Разочарование.

Он сжал мой подбородок и повернул его в сторону домиков.

— Поэтому я решил найти кого-то получше. Может, у тебя есть храбрая сестренка. Или такая же смелая подруга. Один мой приказ — и в деревню войдут гвардейцы в поисках самой красивой и способной девицы.

Лиам говорил, а у меня темнело перед глазами. Особен-

но он выделил определение «способная». Невинная. Та, что сможет убить, сначала раздвинув ноги.

— А что с остальными? — за каким-то бесом спросила я, пытаюсь справиться с дурнотой.

— С остальными как получится. Парни соскучились по ласке, а ваше бабье царство наверняка обрадуется мужчинам. Кто не обрадуется — сама виновата.

Я попыталась сделать вдох, и у меня не получилось. Зато получилось представить, что отряд вооруженных и голодных мужчин способен сделать с беззащитными женщинами. Да, кто-то из нас умеет охотиться, но мы не воины. Поэтому свой выбор я сделала быстро. Особо не раздумывая.

— Из женщин-охотниц я единственная не познала мужчину. Остальные дети или не способны управляться с оружием.

Лиам все-таки крутанул меня, заглядывая мне в лицо.

— Не врешь? — поинтересовался он. — А то я бы проверил.

— Никто из них настолько сильно не ненавидит зверей, — выпалила я в ненавистную морду. Пусть он сейчас выглядел человеком, видеть его не могла. Но придется, если я хочу спасти своих родных.

— Удивила, — вновь хмыкнул он, проведя по моим волосам. — Думал, что скажешь, что краше тебя нет.

— Ты меня не ради красоты с собой берешь, — напомнила я.

— Ради красоты тоже, но с дерзостью твоей что-то надо сделать. Ни один вервольф не поверит, что ты его хочешь. Иначе...

Он снова посмотрел в сторону деревни, а я обхватила его голову ладонями и повернула к себе.

— Я научусь, — пообещала, чувствуя, что этим предаю себя. Себя, но не родных. Все ради них. — Только оставь в покое мою деревню.

Я всмотрелась в жуткие звериные глаза и поняла, что ему нельзя доверять. Как тогда поверить, что с родными все будет в порядке?

Зрачки Лиама сверкнули желтым.

— Никак, — ответил он с ухмылкой, будто прочитав мои мысли. — Мне нужна лишь одна смелая девица. Пойдешь со мной, все закончится здесь. Не справишься со своей подготовкой, пришлю сюда людей. Дорогу я запомнил.

— Пойду, — я опустила голову, чтобы больше не показывать ему своих чувств. Думала, что Лиам вновь взвалит меня на плечо, но вместо этого он развернулся и двинулся в чащу. Давая мне выбор, которого, по сути, уже не было.

Я согласилась.

Я согласилась на все, что он предложит.

— Как твои имя, деревенщина?

— Ева.

Вот и все, кошка мышку проглотила. Или это только начало? И мне предстоит сразиться и победить льва.

Замок Логори

Тронный зал замка являлся самой большой комнатой, но даже он с трудом вместил в себя десять альф и прибывших с каждым из них вервольфов. Герцог Ваман и его свита просто потерялись на фоне зверей. Хотя дело было вовсе не в количестве присутствующих и даже не в росте, выше человеческого, и стати двуликих. Их сила стелилась по полу, втекала в воздух, взмывала под своды зала и пробирала до дрожи. Опаляла, обжигала и вместе с тем могла заморозить на месте. Она сталкивалась с другой, и будто с рычанием и шипением откатывалась назад, чтобы снова напасть. Даже альфы, кажется, морщились от этой сдавленности, не говоря уже о людях. Те чувствовали себя запертыми в клетке с монстрами, и в общем-то были правы. Увидеть весь Альянс целиком предрекало скорую гибель, но, к счастью герцога, они были не все. Трое из них не пожелало принять его приглашение остановиться в замке Логори, совсем недавно принадлежащему герцогскому роду, а теперь перешедшему под власть Альянса. Они разбили свои шатры в долине и не соизволили явиться на пир, устроенный в их честь.

— Я приветствую представителей Альянса на территории Логори. Мое вам почтение. — Герцог не был щуплым мужчиной, но рядом с альфой Ульрамом выглядел сказочным

гномом. Особенно это стало заметным, когда он склонился в низком поклоне перед тем, кто говорил с людьми от имени всего Альянса.

— Нам не нужно твое почтение, Ваман, — перебил желающего продолжить свою речь герцога Ульрам, черные длинные волосы которого были заплетены в несколько мелких кос. Он был не самым высоким из альф, но, пожалуй, самым массивным в своей человеческой ипостаси, самым широким в плечах. Он не то улыбнулся, не то угрожающе оскалился. — Мы все устали и хотим немного расслабиться. Тащи обещанных девиц.

— Но как же пир? — попытался возразить ему герцог.

— Одно другому не мешает, — рыкнул седовласый, коротко стриженный альфа слева от него. Ваман не знал всех поименно, но узнал в нем одного из самых жестоких вервольфов, Лихх Сола. Его глаза сверкнули желтым, а энергетика едва не прижала к полу. — Не забудь прислать свою дочь.

— Дочь? — побледнел Ваман. — Но среди волчьих невест нет моей дочери.

— Это еще почему? — гаркнул Ульрам. — Уговор был таким: ты нам весь цветник Логори, а мы оставляем тебя управлять замком.

— Я выполнил свое обещание. Вам приведут лучших девушек...

— Хочу его дочь, — Лихх вытащил откуда-то длинный

стилет и провел им по языку. Порез почти мигом затянулся, но Ваман взволнованно сглотнул. — Иначе возьму любую девку в этом замке. Сплю все здесь во славу Предкам!

Герцог в отчаянии оглянулся, будто ища поддержку других хищников. Лица остальных альф даже не дрогнули, некоторые выглядели откровенно скучающими.

— Ты слышал, — сказал Ульрам. — Веди девиц, несите еду, и будешь жить.

— Разве вам не понадобятся спальни? — ошалело спросил Ваман.

— И здесь неплохо, — безумно усмехнулся седовласый альфа.

Герцог прикрыл глаза, борясь с собственными чувствами, но затем кивнул.

— Что делать с теми девушками для альф, которые не явились сюда?

— Отправьте их к ним, — махнул рукой Ульрам. — Разберутся сами, что с ними делать.

Вперед вышел совсем молодой альфа, один из скучающих. Его черты лица можно было назвать даже смазливыми, если бы не звериный пугающий взгляд.

— Я отвезу девицу Теодрику, — предложил он, поморщившись. — Все равно нет желания участвовать в оргии.

— Заделался гонцом, Дагольф? — вновь оскалился Лихх.

— Нет настроения делиться своими игрушками.

Седовласый бросил на него злой взгляд, но спорить не

стал. Даже будучи в Альянсе, они не подчинялись друг другу, просто однажды договорились, что всем это будет выгодно, и осуждать чужие пристрастия или мнения было последним делом. Они не друзья, союзники. Поэтому Дагольфу было плевать, что там с дочерью Вамана. Слаб тот отец, который не способен защитить свою дочь и отдает ее на заклятие ради защиты своей задницы. Но и смотреть на кровавые развлечения Лихха он тоже не собирался. Лучше заберет свою живую дань и отправится к Теодрику, поинтересуется, почему его друг не явился на пир в честь захвата Логори.

Девушки, которых приводят во внутренний двор замка, оказываются очень хороши собой. Светлокожая высокая блондинка с прямой спиной и рыженькая пониже, с роскошными формами и с длинными до пят кудрями. Первая девица явно не из простых, слишком высоко задирает подбородок, но по одежде сложно сказать — волчьих невест облачают в одинаковые платья-туники. А вот вторая бросает на него любопытные взгляды из-под длинных ресниц.

— Хорош? — спрашивает он, подходя к ней ближе. Рыжая не отшатывается, лишь начинает дышать рвано, отчего полная грудь красиво вздымается и опадает. Она взволнованно облизывает губы, отчего в Дагольфе вспыхивает желание, и коротко кивает. Молодой альфа улыбается, потому что знает, как действует на женщин, будь они волчицами или людьми. — Тогда идем со мной. Дайте вторую лошадь!

Еще одна лошадь нужна для другой девицы. Свою добычу

Дагольф усаживает на своего коня впереди себя, успев огладить пышное тело, вдохнуть аромат чистой кожи. При этом слышит, как гулко колотится сердце девушки и как срывается ее дыхание, и явно не от страха. В отличие от того же Лиха, он предпочитает наслаждаться удовольствием женщины, а не ее ужасом и болью.

Второй девице он приказывает следовать за ним, не переживая по поводу того, что она может удрать. Не сможет. Замок Логори буквально окружен шатрами альф. Не говоря уже о том, чтобы перекинуться и догнать ее — всего лишь пара пустяков. Даже интересно будет, если попытается сбежать! Но она не пытается. Они добираются до лагеря Теодрика без приключений. Если не считать маленькие шалости, которыми он занимался, смущая и распаяя рыжую. Сам чуть не воспламенился! Но для начала надо было переговорить с другом.

Дагольф принялся и безошибочно определил по аромату, где сейчас находится Теодрик. Девиц Дагольф оставил возле входа в единственный шатер, а сам шагнул внутрь. В отличие от людей, вервольфам не требовалась защита от дождя или ветра, в звериной ипостаси они могли спать прямо на земле. Шатры же использовали в основном для хранения карт или ведения переговоров. Вот и сейчас Теодрик склонился над картами, сосредоточенно что-то изучая на них. Высоченный, выше Дагольфа на полголовы, его ровесник, но из-за того, что вечно ходил мрачным, выглядел старше.

— Что тебя так сильно увлекло, мой побратим, что ты забыл явиться за своим призом? — шутливо поинтересовался Дагольф.

Теодрик даже от карт не оторвался, ответив:

— Девки, что ли? Лучшим призом для меня будет, когда мы захватим Крайтон.

— Так Крайтон сдался. Ульрам получил письмо от генерала Дорсана. Он готовит для нас волчьих невест и готов сдать-ся.

— То, что готовит — не сомневаюсь, — Теодрик наконец-то повернулся к нему, сосредоточенно-мрачный, как всегда, — а вот в его капитуляцию я верю с трудом. Слишком долго эта крыса пряталась от нас.

Дагольф вздернул брови:

— Мы загнали его в угол. Ему больше некуда деваться. Только сдаться, как это уже сделал Ваман.

— Ваман трус.

— Так Дорсан тоже!

— Он что-то готовит, — уверенно заявил Теодрик. — Его невесты — лишь отвлекающий маневр. Понять бы, что он задумал...

— Поймешь! — хлопнул его по плечу Дагольф. — Или просто войдешь в Крайтон и вырвешь ему глотку. Альянс согласился отдать его тебе. У тебя самая веская причина сделать это.

Лицо Теодрика закаменело, и Дагольф прикусил язык.

— Зря я напомнил тебе о...

— Ты не напомнил, — перебил его тот, прикрыв на минуту глаза, будто эти воспоминания причиняли ему физическую боль, — я никогда о *них* не забываю. Ни на мгновение. Только кровь Дорсана сможет утолить эту жажду. Его и его армии.

Когда Теодрик впадал в это состояние, он напоминал Дагольфу обезумевшего одичавшего волка. В его звериных желтых глазах вспыхивали искры, погасить которые могла лишь мучительная смерть его врага. Врага, который был виновен в гибели семьи альфы: его истинной пары и их сына.

Дагольф еще не встретил свою истинную, но знал, что это великое счастье и настоящий дар Предков. Как и знал, что потерять пару — подобно смерти. Теодрик не умер там на месте, над телами своей семьи, только благодаря тому, что тот, кто это сотворил, продолжал ходить по земле. Жажда возмездия не позволяла ему отправиться к Предкам. Дагольф никому бы такого не пожелал.

— Но иногда надо и расслабляться, побратим, — вернулся он к своему шутливому тону, пока все тут в шатре не заморозилось от эмоций Теодрика. — Развлекься. Живем один раз! Я захватил твою девицу. Вести ее сюда?

— Веди, — кивнул Теодрик, выныривая из своих мрачных воспоминаний.

Дагольф вернулся за блондинкой. Девица не сдвинулась с места, стояла в обнимку с лошадью, беспокойно гладила

гриву. Подхватив девчонку под локоть, вервольф втолкнул ее в шатер друга, а та то ли совсем дурой оказалась, то ли надумала себе, как только человеческие бабы умеют. Потому что сразу упала на колени и взмолилась:

— Не трогайте меня, пожалуйста! Не забирайте мою честь! Я ни в чем не виновата.

— Не виновата, — эхом повторил Теодрик, скалой возвышаясь над ней. — Но виноваты ваши генералы. За то, что продолжают убивать нас. За это мы убиваем вас. Ты плата за то, чтобы убийств было меньше. Ты же хочешь, чтобы их было меньше?

Девушка затряслась, заплакала, но закивала.

— Да, хочу.

— Каждый раз одно и то же, — пробормотал альфа, скорее для себя, чем для девушки. — Раздевайся.

Блондинка трясущимися пальцами принялась стаскивать тунику, а Дагольф уже покинул шатер. У него была своя рыжая, которую он собирался сегодня заставить сначала краснеть, после кричать от блаженства, а не лить слезы. Это Теодрик у них альфа мертвое сердце, а в его жилах течет горячая кровь. Чему Дагольф искренне радовался, потому что любил забавляться с девушками. Любить их пусть даже на одну ночь. А вот Теодрик способность любить потерял.

ГЛАВА 5

Лагерь снялся со стоянки в тот же день, двигаясь на юг. Чем дальше мы отходили от деревни, тем больше отпускало меня беспокойство по поводу родных, но тем тяжелее становилось на сердце. Потому что пока Лиам жив, он всегда сможет послать за ними. Я не собиралась давать ему эту возможность. Но зверь сам сказал, что остановить его может только смерть. Что ж, если так, я должна буду его убить. Ради себя. Ради близких.

Зверь словно читал мои мысли, потому что не пытался показать себя лучше, чем он есть. Наоборот, Лиам будто дразнил меня. А может, не старался вовсе, просто был таким мерзавцем.

Подготовкой Лиам называл свое насилие над Айрой. Он ловил девушку, когда она приносила поесть или приводил ее сам, и совокуплялся с ней почти по-звериному, брал ее так, как ему заблагорассудится и заставлял меня наблюдать за всем этим. Иногда это было резко, стремительно, иногда его первобытные игры затягивались на час и больше. В отличие от того, первого раза, я могла закрывать глаза или отворачиваться. Но тогда зверь вел себе особенно шумно, брал Айру жестко, чтобы та кричала громче, в общем, это не спасало ни меня, ни его игрушку, в которую она превратилась.

Меня он почти не трогал. Не считая того удушливо-мерз-

кого лапанья, когда он нагнал меня возле деревни, Лиам касался меня от силы пару раз, проводил по спине или по руке. Но, чем больше проходило времени, чем ближе мы приближались к месту, куда следовали, тем меньше становилось этих касаний. В последние три дня он перестал меня лапать совсем. С одной стороны, это успокаивало, потому что я, несмотря на страх за жизни и благополучие моей семьи, изо всех сил старалась принимать правила игры, но все равно дергалась и чувствовала себя грязной там, где оставался невидимый след его пальцев. С другой — заставляло сердце тревожно сжиматься в ожидании того, что должно случиться дальше. Моей встречи с Альянсом, а затем и с альфой, для которого я всего лишь стану такой же игрушкой.

Я старалась смириться с мыслью, что совсем скоро окажусь на месте Айры. Не под Лиамом, так под другим зверем. Но разница невелика, зверь он и есть зверь. Видит, Владыка, я очень старалась, убеждая себя днями, пока ехала в повозке вместе с Айрой и собранными палатками, и ночами, которые проводила на матрасе, забываясь беспокойным чутким сном. Такая у меня судьба. Зверь возьмет меня, как ему захочется, а я не стану противиться. Но принимать это у меня получалось с трудом.

Если бы от этого зависела лишь моя жизнь... Но Лиам знал, на что надавить, видел меня насквозь, нарочно оставлял рядом со мной оружие и то, из чего его можно соорудить. Я тоже знала, чего он от меня хочет, чего ждет. Чтобы

я напала, попыталась убить. И также знала, что пока он этого ждет, пока готов к нападению, мне до звериной глотки не достать.

Поэтому продолжала его «разочаровывать». Особенно разочарованным и жестким Лиам стал, перестав ко мне прикасаться. Будто я была источником его силы, лакомством, которого он сам себя лишил. Но настроение его окончательно испортилось. Он срывался на Айре, на солдатах и даже на мне, и все больше мрачнел. Хотя, возможно, причина крылась вовсе не во мне, а в том, что я должна сделать. Я и еще тринадцать девушек.

Когда в один из таких дней мы остановились на стоянку, Лиам приказал мне идти за ним в лес. Скрывшись от любопытных взглядов, он протянул мне короткий кинжал и сказал:

— Нападай!

Я осторожно сомкнула пальцы на рукояти, подозрительно прищурившись.

— Смелее. Я должен знать, на что ты способна.

Во мне копилось столько ярости, что я перехватила кинжал как нож и сделала выпад без предупреждения. Лиам был готов, увернулся. Он уворачивался всякий раз, когда я наносила удар, двигался совершенно с иной скоростью. Нужно ли говорить, что я быстро выдохлась, а он даже не вспотел.

— Ну же, — подначивал он. — Хотя бы поцарапай меня разок!

Я бросилась на него с рычанием, целясь в грудь, но зверь легко выбил у меня из рук кинжал, как если бы я напала на него с детским деревянным мечом. Мне же сделал подсечку, от которой я запуталась в юбке и упала на траву. Сил во мне больше не осталось.

— Ты издеваешься? Мне тебя не достать!

— Не достать, — согласился он.

— Так как вы с Дорсаном собираетесь уничтожить Альянс? Хотите, чтобы мы их улюбили до смерти?

Я была серьезна как никогда. Я была в отчаянии. Но почему-то насмешила Лиама.

— Это называется затрахать, Ева. Вряд ли это получится хотя бы у одной человеческой женщины, аппетита у вервольфов посильнее будут. А что насчет любви... Альянс не за что любить, деревенщина. Более того, даже не вздумай влюбляться в кого-либо из них.

— Зверя невозможно полюбить, — уверенно отчеканила я, вскидывая голову и глядя на Лиама снизу вверх.

Он же потянулся к моему подбородку, но, опомнившись, отдернул руку.

— Это ты зря. Альфы умеют очаровывать. Вдохновлять. Соблазнять. Не ведись.

— Паук тоже плетет паутину, прежде чем сожрать мошку.

— Умница, — хмыкнул Лиам.

— Можешь засунуть свою похвалу...

— У нас мало времени, Ева, — перебил он. — Я здесь для

того, чтобы показать тебе очевидное.

— Что я не справлюсь?

— Что грубой силой тебе вервольфа не одолеть. — Он поднял кинжал и засунул его в голенище своего сапога. — Единственное твое преимущество — внезапность. Для начала удовлетвори его, затем, когда отвлечется, нанеси точный удар. И ты свободна.

— Свободна, — невесело улыбнулась я. — Я убью только альфу, а что делать с его стаей?

— Не задавай глупых вопросов, Ева. — Лиам развернулся и направился обратно в лагерь, предлагая следовать за ним. — Иначе закончишь как Айра.

Вечером следующего дня мы въехали на территорию монастыря, под крышей которого собрались все волчьи невесты.

Об этом мне сообщила Айра. Учитывая, что мы с ней, с тех пор как я добровольно вернулась с Лиамом, почти не разговаривали, я сильно удивилась тому, что она первая обратилась ко мне. До этого все мои попытки побеседовать с ней заканчивались ее испуганным взглядом или молчанием. В конце концов, я перестала пытаться разговаривать с ней, решив, что она выполняет приказ зверя.

— Ты разговариваешь со мной, — я не скрывала своего удивления. Даже перестала рассматривать внутренний двор монастыря — каменный мешок, окруженный стенами. Это не просто крепость, это целый город. Никогда еще не видела

таких огромных и вместе с тем неудобных. — Почему сейчас?

Она покраснела, а затем тяжело вздохнула:

— Я думала, ты злишься на меня. Имеешь право.

— За что?

— За то, что тебя поймали из-за меня! — выпалила она на одном дыхании. Ее лицо исказилось будто от боли. Благодаря помощи Лиамы следы его же когтей превратились в розовый шрам, не такой заметный как раньше, но все равно навсегда испортивший красоту Айры.

Солгу, если скажу, что не думала об этом. Много раз думала. Но...

— Если верить Лиаму, он бы все равно нашел тебе замену. Моя деревня была ближайшей. Не я, так любая другая девушка.

— Но не обязательно ты!

Я посмотрела на нее как на безумную и поняла, что не жалею. Лучше я. Я справлюсь. Я сильная. Пусть даже из-за этого придется отдать собственную жизнь. Но еще я поняла, что Айра этого не поймет, она из тех, кто печется о своей шкуре. Я ее не виню, мы просто разные. Поэтому отвечаю:

— Теперь мы этого не узнаем.

Айра кусает губы и тоже оглядывается по сторонам. Нас оставили одних, но никто не беспокоится, потому что отсюда не сбежать. А если и есть какие-то лазейки, то их, не зная, так просто не найти. Но я радуюсь общей суматохе и разговорчивости Айры, ведь Лиам за несколько дней пути раскрыл

мне не так уж много. Не уверена, что собирался это сделать.

— Откуда ты знаешь про невест? — спросила я шепотом. Это не обязательно, но я знаю привычку зверя подкрадываться. — Генерал заманил тебя ложью?

Айра качнула головой:

— Нет. Для меня это не было тайной. За то, чтобы я легла под зверя, моей семье щедро заплатили, но я думала, что это будет одна ночь. И что никого не придется...

Она судорожно вздрогнула, не закончив предложение. Но мне ничего объяснять не нужно. Лиам от меня изначально ничего не скрывал. О том, что я должна сделать. Остальное я додумала. Например, если зверь не раздерет меня на части во время совокупления, и я смогу вонзить клинок ему в горло, то все равно не выживу. Вервольфы не простят мне подобного. Так что все невесты так или иначе смертницы, но, оказывается далеко не всем об этом известно.

— Ты поэтому сбежала? Узнала, что должна сделать.

— Т-с-с, — она приложила палец к губам. — А вот это как раз секрет. О нем никто не должен знать. Я вот узнала, и где я теперь? — Она тяжело вздыхает. — Я случайно услышала разговор генерала с одним из офицеров.

Ясно. Но еще одно не давало мне покоя.

— Твои родители тебя продали? — В моем голосе было столько отвращения, что я даже не старалась его скрыть, спрятать.

— Что им оставалось, — пожала девушка плечами. —

Мое тело взамен их благополучия. Разве не то же самое делаешь ты?

Она посмотрела на меня с вызовом:

— Ты меня осуждаешь? За то, что Лиам делает с моим телом.

— Я хочу, чтоб он сдох в канаве, — ответила я честно, глядя ей в глаза. — В том числе и за это.

Айра спохватилась, по привычке попыталась прикрыть шрам волосами, но быстро бросила эту затею.

— Зато я не встречусь с Альянсом, а они очень жестоки и, в отличие от Лиамы, ненавидят людей... Ой! Прости! Это всего лишь слова генерала, а он честностью не отличается.

Мне эти слова не понравились, кому бы они там ни принадлежали, по спине пробежал холодок.

— Забудь, — процедила я. — Скажи лучше, если они так ненавидят людей, зачем требуют волчьих невест?

— Потому что они звери, — выпалила Айра. — Потому что хотят, чтобы мы их боялись.

Ясно было, что это всего лишь ее догадки. Истинную причину я могла спросить лишь у Лиамы или у альфы. Владыка упаси меня что-то спрашивать у последнего!

— Почему именно женщины? У них что, нет своих?

— Есть, конечно. Как-то же они продолжают свой род? Но они не воют, как у нас.

Как сказать. Нас, например, отправляют на войну.

Но этот разговор пришлось прекратить, когда к нам подо-

шел долговязый молодой монах и предложил идти за ним. В монастыре оказалось холодно и сыро как в погребе. Если бы мы не поднимались по винтовой лестнице наверх, я бы подумала, что мы спускаемся в подвал. Узкие коридоры давили на меня, я привыкла жить рядом с природой, здесь же вокруг был камень. Келья, к которой подвел нас монах, и во все напоминала тюремную камеру: узкая каменная лавка с соломой, маленькое окно с решеткой, деревянная подставка для молитвы перед знаком Владыки на стене. При виде знака я соединила указательные пальцы, сложив их треугольником, знакомым с детства жестом поцеловала самые кончики и поймала одобряющий взгляд его служителя.

Айра хотела войти следом, но монах преградил ей дорогу.

— Кельи только для невест. У каждой своя, чтобы они помолились нашему Всевидящему и Всепрощающему лорду. Побывать с ним наедине.

— Где мне тогда спать? — раздраженно поинтересовалась она.

— Я отведу тебя в общий зал, — так же бесцветно ответил монах, и, стоило мне оказаться внутри, действительно запер меня.

Лязг замка заставил панику подняться в моей груди. Я выдохнула, а вдохнуть уже не смогла. В голове зашумело. Камень, камень, вокруг камень. Тогда я рванула к единственному окну, вцепилась в железные прутья и, только когда увидела простирающиеся до самого горизонта зеленые луга, смог-

ла сделать вдох. Воздух ворвался в легкие, приводя в чувства. Позволяя снова стать человеком, а не обезумевшим загнанным в угол зверем, которым я ощущала себя еще пару мгновений назад. Из окна пахло свежестью, и я постепенно успокоилась, а когда успокоилась, то упала на колени перед знаком Владыки, соединила пальцы в молитвенном жесте и принялась молиться. Так, как не молилась еще никогда в жизни.

Я молилась за своих родных. За свою деревню. И совсем немного за себя. За то, чтобы все произошло быстро. То, как он возьмет меня. Его смерть. Моя смерть тоже. Отец говорил, что я смелая, но я сейчас не чувствовала в себе ни капли отваги. Сидя в этом каменном мешке, я могла лишь просить Владыку помочь мне. Шептать слова молитв и ждать его ответа.

Говорят, что Всевидящий лорд разговаривает со своими детьми знаками: дуновением ветра, шепотом природы, даже холодом камня. Событиями и испытаниями, которые посылает нам. Поэтому я просила показать мне мой путь, ступая по которому я бы исполнила свою судьбу.

Не знаю, сколько часов я молилась, но, когда опомнилась, заметила, что келья полностью погрузилась во мрак, и на небе теперь сияли луна и яркие искры первых звезд. Луне не хватало всего ничего, чтобы стать полностью круглой. Полнолуние. Волчьих невест вручат альфам в полнолуние? Хотя какая мне разница.

Молитва помогла уйти в себя, до полного умиротворения мне конечно же было далеко, но сердце больше не билось в груди тревожной птицей, а келья не виделась мне тюрьмой. Наоборот, здесь я могла быть собой. Под защитой Владыки. Время без Лиамы, ведь монах сказал, что мы должны молиться.

Я залезла на койку и поняла, что она не жестче матраса, на котором я спала в вынужденном походе. Отвернувшись от двери и даже успела задремать, впервые за все время чувствуя защиту моего бога. Но от лязга засова вскочила.

От чувства защищенности не осталось и следа, потому что в келью шагнул Лиам. Шагнул и закрыл дверь изнутри.

А затем ожег меня похотливым взглядом.

— Что ты здесь делаешь, зверь? — прошипела я.

— Пришел взять свое, деревенщина, — прорычал он.

Мои глаза широко раскрылись, я инстинктивно вжалась спиной в стену, потому что первое, что пришло на ум под его «своим» — это Айра под зверем. Но он не может сделать со мной то же самое! Иначе весь их с генералом план полетит к Преисподнюю к бесам.

— Ты не можешь, — мой голос звучал на удивление спокойно. Несмотря на поднимающуюся внутри бурю, я изо всех сил старалась вернуть себе утраченное чувство безопасности. Но оно рассыпалось окончательно, стоило мне открыть рот.

Потому что зверь шагнул и оказался возле меня: келья бы-

ла слишком маленькой и тесной для такого гиганта.

— Я не могу?! — В его рычание добавилась настоящая угроза. — Я все могу, деревенщина.

Он схватил меня за волосы и ловко намотал косу на кулак, рванул меня на себя, впечатывая в свое тело. Я словно о камень ударилась, а боль от рывка заставила слезы выступить на глаза. Но это был сущий пустяк по сравнению с тем, что я животом почувствовала, насколько сильно он возбужден. Даже сквозь платье из простой, но плотной ткани, что Айра принесла мне на замену моей разорванной одежды, почувствовала боевую готовность зверя. Это при том, что на нем тоже оставалась одежда. Пока оставалась.

— Я могу перевернуть тебя на живот и трахнуть в задницу, — процедил Лиам. — А могу поставить на колени и заставить принимать меня в рот. М-м-м, — он даже зажмурился от блаженства, — уверен, будет сладко.

— Не боишься, что откушу? — зло выпалила я.

— Люблю играть с огнем, Ева. — Его глаза сверкнули по-звериному, обнажая суть вервольфа. — А ты настоящее пламя.

Он положил свободную лапу на мою грудь и больно сжал, отчего я вскрикнула и забилась в его руках, несмотря на то что рисковала остаться без косы вовсе. Но Лиам толкнул меня снова на койку, а сам прижался ко мне бедрами.

— Да-да, сопротивляйся, — безумно улыбнулся он, демонстрируя мне клыки, от вида которых стало по-настоящему

му дурно. — Это только сильнее заводит.

— Ты пьян? — спросила я, не находя другого объяснения его безумию, а зверь рассмеялся.

— Вервольфы не пьянеют, деревенщина. Всем это известно. Но после встречи с тобой со мной теперь постоянно эта жажда. Ты не выходишь из моих мыслей. Все время хочется нагнуть тебя и узнать, каково это врезаться в твои тесные глубины.

Его рука заскользила по ноге, задирая мою юбку. Я не двинулась с места только потому, что увидела как на его пальцах появились когти. Поняла, что если он меня сейчас поцарапает, за три дня до встречи с Альянсом оставит на мне свои следы, то возьмет тут же, как сделал это с Айрой.

— Стой, — приказала-попросила я, упираясь ладонями ему в грудь. — Если ты это сделаешь, то разрушишь весь план генерала Дорсана. Ведь у вас не будет тринадцатой невесты.

— К бесам генерала! — прорычал Лиам, отстраняясь и переворачивая меня на живот. Он накрывает меня собой, вжимает в солому, не позволяя двигаться, задирает мою юбку. Я чувствую его член меж своих ягодиц кожа к коже, кажется, Лиам успел и свои штаны стянуть, и меня накрывает настоящей паникой. Гораздо более сильной, чем там, на берегу, когда меня чуть не изнасиловали трое гвардейцев. Может, дело в том, что я успела насмотреться, как он брал Айру. А может, потому что Лиам для меня самый ненавистный из всех.

— Нет! — вскрикнула я, когда он заломил мои руки сзади, не позволяя отбиться. Да и могу ли я отбиться от зверя? Но у меня остался голос, и я позвала на помощь: — Помогите!

Тут же есть монахи, они должны не допустить этого. Помешать зверю испортить невесту. В конце концов, это обитель Владыки, мы в ее стенах!

— Никто тебе не поможет, не трепыхайся, Ева, — рассмеялся мой мучитель, подался вперед, прошелся своим оружием меж моих ягодич. А затем грубо потрогал мою промежность: — Сухая. Ничего, аппетит приходит во время еды. Когда я тебя разработаю, потечешь как сучка.

Это было так противно, что к горлу подкатила тошнота. Но я поняла, что если поддамся панике, то утону в ней. Он сделает так, как ему хочется, а потом пошлет за кем-то из моей деревни. Сколько тут дней осталось, если добираться на лошади? Я не могу этого допустить.

Я не могу допустить, чтобы Лиам взял мое тело!

Поэтому я укусила щеку до крови, подчиняя себе обеспокоенный, почти сошедший с ума от страха разум.

— Лиам, а как же твой план? — затараторила сбивчиво. — Не Дорсана, твой. Ты же уничтожить Альянс. Стать альфой всех вервольфов. И теперь хочешь все разрушить? Ради какой-то бабы? Разве оно того стоит? Разве я стою того, чтобы из-за меня предавать собственные амбиции?

Я ударила наугад, но, кажется, поразила цель, потому что

нажим на ягодицы исчез, по ним прогулялся сквозняк, когда зверь слегка отстранился.

— Не стоишь, деревенщина, — с досадой взрыкнул он и уперся лицом в мои лопатки, — но ты так пахнешь... Ни одна сучка так до тебя не пахла, даже стонущая подо мной самая развратная девка. Желанно пахнешь. С ума сводишь. Как от этого отказаться?

— Просто не подходить ко мне? — предложила я, а он снова рассмеялся и вдруг меня отпустил. Захват на руках исчез, давление на бедра тоже.

Я, стараясь не делать резких движений, обернулась, так же медленно одернула юбку. Неужели все закончилось? Неужели пронесло?

— Снимай платье, — приказал он, сверкнув жадным взглядом и щеголяя своим вздыбленным оружием. Глаза давно привыкли к темноте, поэтому я прекрасно его видела.

— Что? — хорошо, что я сидела на койке, иначе бы у меня подкосились ноги. Это и так было чересчур. — Но ты же...

— Снимай, говорю!

Я стянула платье неподчиняющимися мне пальцами и швырнула его Лиаму, а зверь поймал его на лету и уселся прямо на подставку для молитв, как на стул. Он поднес платье к лицу и жадно втянул ноздрями мой запах.

— Сядь и раздвинь ноги, — приказал. — Шире. Так, чтобы я тебя видел.

Это означало повернуться самым срамным местом к знаку

Владыки.

— Это богохульство...

— Делай, как говорю, если не хочешь, чтобы я тебя трахнул!

Я сделала все, как он велел, развела бедра, наблюдая за тем, как Лиам, с наслаждением вдыхая мой аромат, обхватил член ладонью и заработал рукой. При этом он не сводил с меня глаз, словно пожирая меня взглядом, оставляя свои грязные следы. Пока не излился на мое же платье.

Только тогда я сдвинула колени, осознавая, насколько они затекли от напряжения, сковавшее все мое тело. Обхватила себе руками, чтобы хоть как-то прикрыться.

— Я приду завтра, — пообещал он удовлетворенно.

— Разве так можно? — я посмотрела на него устало. — Твой запах все равно останется на мне.

— Не останется. Прикажу хорошенько тебя отмыть.

Лиам запер меня, а я упала на койку и поняла, что это только начало.

Глава 6

Казалось, те дни смазались для меня в один. Сплавились в единое ожидание. Ожидание чего-то нехорошего. Я больше не чувствовала себя в безопасности, но продолжала молиться Владыке в перерывах между беспокойным сном и визитами Лиама.

Вервольф всегда приходил в разное время: иногда ночью, сверкая во тьме желтыми звериными глазами, иногда днем. Он больше ко мне не прикасался, не пытался прижать к койке, пугая насилием. Но в остальном все повторялось. Зверь приказывал снять платье, а затем портил его, изливаясь на ткань. Я ненавидела эти минуты, когда приходилось сидеть с раздвинутыми ногами, гладить себя по его приказу, касаясь груди. Последнее было особенно мерзким, потому что я всякий раз чувствовала себя грязной. Зато ненавидела его еще больше. Ненависть, гнев были для меня предпочтительнее страха. Я словно знала — стоит поддаться страху, и я сломаюсь. Забьюсь в холодный угол этой клетки и не смогу выполнять приказы Лиама. Не смогу их выполнять, он сожрет меня с потрохами. На этой мысли я и держалась.

Удовлетворив себя рукоблудием, зверь уходил и уносил мою одежду. Но спустя несколько минут один из безымянных монахов приносил мне чистое платье. В первый раз даже принес одеяло, в которое я смогла закутаться с головой. По

приказу Лиамы? Плевать! Главное, что тепло и можно хоть на несколько часов унять внутреннюю дрожь. Монахи же приносили мне еду и питье трижды в день. Обычно — кашу, ягоды и овощи, мятный отвар. Никакого мяса или яиц. То ли это было связано с тем, что едят сами служители Владыки, то ли такую пищу готовили для невест. Я не знала, а монахи оставались безмолвными.

За все время никто из них не посмотрел на меня с осуждением, но и участия в их глазах я тоже не встретила. Мне казалось, они вовсе предпочитали не смотреть на меня, ухаживая как за бессловесной скотиной, которую готовят на заклятие. Возможно, им именно так это виделось. Хотя мне хотелось верить, что именно Лиам держит их в страхе, что не по своей вине они равнодушны ко мне и, наверняка, к другим девушкам. Не все настолько храбры и глупы как ты, Ева, чтобы спасти попавших в плен незнакомок!

Я не поняла, когда все закончилось. Или началось, сложно сказать. Но после одной ночи, когда Лиам проделал свой звериный ритуал, он не ушел сразу, а раздраженно сообщил: — Завтра в монастырь прибывает Альянс.

Я сидела, обхватив свои колени и прикрывая обнаженное тело, но после этих слов вскинулась, посмотрела ему в глаза. — Можешь радоваться, Ева, завтра тебя отдадут альфе. Или передумала и хочешь провести ночь со мной?

В душе растеклось облегчение. Я качнула головой, не скрывая того, что чувствую. Наконец-то Лиам не сможет

приходить ко мне. А что там дальше — Владыка нашепчет.

Моя радость, естественно, разозлила Лиама: его лицо исказилось, проявляя звериные черты. Он качнулся ко мне. А я, кажется, слишком устала от напряжения последних дней, чтобы испугаться, потому что выпалила:

— Тогда я не смогу убить альфу.

— Бей в горло, — посоветовал зверь. — От подобного удара даже вервольф не выживет.

— Разберусь, — холодно ответила я, а он все-таки шагнул ко мне. Протянул руку, желая коснуться моей кожи, но все-таки не коснулся.

— И что, даже не станешь убеждать, что будешь скучать, деревенщина?

— Катись к бесам!

— Надеюсь ты выживешь, Ева, — пожелал он. — А после я найду тебя и трахну. Ты станешь моей. Это будет моей лучшей наградой.

Кажется, он верил в собственные слова.

Он ушел, а я от души помолилась о том, чтобы планы Лиама на меня никогда не сбылись. Уж лучше пусть альфа сдерет с меня кожу живьем, чем лечь под этого зверя. Но кто сказал, что другой зверь будет лучше этого?

В ту ночь я спала крепко, словно отсыпалась за все бессонные, но проснулась еще до рассвета, по привычке. Сидела возле окна, рассматривая светлеющее небо, и думала о свободе. Почувствую ли я ее снова? Увижу ли семью? Или моя

жизнь оборвется сегодня? Я была готова и не готова одновременно. Разумом понимала, что все правильно, но другая часть меня, более слабая, металась в ужасе, заставляя до боли в пальцах стискивать края одеяла.

Я сильная. Сильная. Сильная.

Теперь я шептала эти слова вместо молитв, но молиться долго мне не пришлось, на рассвете дверь моей клетки распахнулась, и молчаливый монах велел мне следовать за ним. Он темными коридорами привел меня в бани — такой же каменный мешок, только с большим бассейном в полу, где оказалось еще несколько девушек, и велел всем нам мыться.

Я впервые встретилась с другими волчьими невестами, и судя по любопытным взглядам, которые мы бросали друг на друга, не только я одна. Все девушки были светлокожими и светловолосыми, как будто родными сестрами Айры, и необычайно красивыми. Одежды у них тоже были побогаче тех тряпок, что носила я и портил Лиам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.